

РЕЧЕВОЙ ЖАНР «ОПРАВДАНИЕ» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ БЫТОВОМ ОБЩЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ Р. БРЭДБЕРИ)

© 2023 Т.Е. Водоватова, А.Э. Задохин

Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка», г. Самара, Россия

Настоящая работа имеет целью определение особенностей функционирования речевого жанра «оправдание» (excuse) в межличностном бытовом общении. С точки зрения лингвистического статуса речевой феномен оправдания может быть интерпретирован либо как речевой акт, либо как речевой жанр. Имеющийся в нашем распоряжении фактический материал демонстрирует речезанровую природу этого явления. Речевой жанр оправдания присутствует в различных видах англоязычного дискурса; его использование является также характерной чертой межличностного бытового дискурса. Источником фактического материала стали рассказы Р. Брэдбери. Анализ словарных дефиниций лексемы-имени изучаемого речевого жанра позволил определить неоднородный характер жанра и выделить в его составе ряд структурно-семантических разновидностей: собственно оправдание (excuse itself), оправдание-пояснение (excuse-explanation), оправдание-отговорка (excuse-pretext). Наиболее частотной разновидностью является оправдание-объяснение. Фактический материал позволил обнаружить также существование таких разновидностей оправдания, которые рождаются под влиянием контекста. К ним относятся оправдание-извинение (excuse-apology), оправдание-просьба (excuse-begging), оправдание-обещание (excuse-promise).

Ключевые слова: оправдание; речевой жанр; речевой акт; контекст; бытовое общение; персональный (межличностный) дискурс.

Современный этап развития лингвистики характеризуется значительным интересом исследователей к вопросам использования языковых единиц и явлений в различных видах текстов и механизмов их взаимоотношений с контекстом. Целью настоящей работы является определение особенностей функционирования речевого жанра «оправдание» в межличностном бытовом общении. Названный речевой жанр является востребованным в различных сферах общения и широко используется в различных типах текстов. Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью функционирования речевого явления «оправдание» и необходимостью дальнейшего продвижения в означенной научной области.

Лингвистическая трактовка речевого феномена «оправдание» может быть различной. Очевидно, скорее всего он может претендовать на статус речевого акта или речевого жанра. При этом необходимо отметить, что в специальной литературе вопрос, следует ли различать понятия речевого жанра и речево-

го акта, и если да, то на каких основаниях, нередко вызывает споры.

Сторонники мнения о тождестве этих понятий аргументируют свою позицию указанием на наличие у обеих единиц общего ключевого признака; и речевой акт, и речевой жанр являются типичными речевыми произведениями, порождёнными в типичной ситуации речевого общения. В самом деле, сравнив определения этих понятий, приходим к выводу об их существенном сходстве. Так, речевой акт в рамках теории речевых актов определяется как относительно устойчивое высказывание, используемое в типичной речевой ситуации [7]. Речевой жанр в то же самое время понимается как устойчивый тип высказывания в определённой сфере использования языка [1, 2].

Как видим, приведенные дефиниции понятий речевого акта и речевого жанра, данные основоположниками соответствующих теорий, свидетельствуют о том, что обсуждаемые явления тождественны друг другу. Дальнейшее развитие лингвистической тео-

рии, однако, привело к различению этих понятий, и в современном языкознании указанные единицы рассматриваются как безусловно близкие, но не тождественные явления.

Основой для их различения служит тип речевого произведения, в котором получают воплощение названные явления. Если на ранних этапах развития теории вопроса единицей и речевого акта, и речевого жанра считалось высказывание, то в настоящее время единица речевого жанра трактуется шире [3]. Точнее говоря, речевой жанр вообще не связывается с определенным структурным языковым типом, и термины «высказывание» или «текст» оказываются нерелевантными для описания речевого жанра [5].

Некоторые лингвисты напрямую указывают на возможность представления речевого жанра в виде текста, считая речевой жанр «шаблонной и понятной текстовой формой» [10] или конкретным экземпляром текста [11].

Полагаем, что различия в приведенных трактовках речевого жанра как формы высказывания или формы текста не носят принципиального характера – точно так же, как не являются принципиальными различия между понятиями высказывания и текста. В самом деле, высказывание и текст объединяет общность лингвистической природы (оба явления есть единицы речи, рождаются в процессе общения) и функции – служить реализации коммуникативных целей. Поэтому наиболее адекватным нам представляется точка зрения британского лингвиста Д. Свейлса, который рассматривает речевой жанр с функциональной точки зрения и определяет его как класс коммуникативных событий, участники которого разделяют набор неких коммуникативных целей [18]. Поскольку «продуктом» коммуникативного события могут быть как высказывания, так и тексты, то понятно, что автор, так же как и цитированные выше лингвисты, не связывает речевой жанр исключительно с высказыванием или исключительно с текстом.

Таким образом, различие между речевым актом и речевым жанром, в соответствии с современными лингвистическими теориями, заключается в том, что речевой акт связывается исключительно с высказывани-

ем, в то время как речевой жанр воплощается в некоем «коммуникативном событии» безотносительно его конкретной языковой структуры. Коммуникативное событие, в отличие от высказывания, носит поэтапный характер, то есть коммуникативная цель достигается через целый ряд отдельных коммуникативных действий – речевых актов [20]. Другими словами, если в рамках одного высказывания речевой акт отражает структуру отдельного действия, то речевой жанр, в более широких границах, может включать в себя множество последовательных речевых актов, которые выполняют свои коммуникативные задачи, в совокупности ведущие к реализации коммуникативной цели данного речевого жанра.

Объектом изучения в настоящей работе является речевой жанр «оправдание» (excuse), поэтому остановимся на его содержании. Ключевой лексемой – именем данного речевого жанра – является лексема excuse; ее семантическая структура предоставляет данные о содержании жанра, поэтому необходимо изучить ее словарные дефиниции. Как отмечают лингвисты, анализ словарных дефиниций имени жанра является важным этапом речевых исследований, поскольку «именно в семантических терминах отражается жанровая специфика языка» [13].

Действие, обозначаемое глаголом to excuse, означает to try to free (a person) of blame; seek to exonerate (Merriam-Webster). Такому пониманию действия не противоречат и иные словари: to excuse – to try to free (a person) of blame (Collins Dictionary). Упомянутые значения ключевой лексики изучаемого речевого жанра даются в словарях первыми по очередности, что позволяет судить о том, что значение «оправдание», «констатация невиновности себя или иного лица», «снятие вины с кого-либо» является для слова основным.

В словарях отмечаются и иные значения обсуждаемой лексики. Так, соответствующее существительное определяется следующим образом: an excuse is a reason which you give in order to explain why something has been done or has not been done, or in order to avoid doing something. (Collins Dictionary). Аналогичная трактовка существительного дается и в других словарях: the explanation given for

bad behavior, absence, etc. (Cambridge Dictionary).

В приведённых определениях, как видим, отражается свойственное лексеме excuse значение «причина объявления кого-либо невиновным», «обоснование чьей-либо невиновности», «пояснение к констатации невиновности», «доводы, по которым обвинённого следует оправдать».

В словарях указывается еще одна сема в содержании слова excuse: false reason that you give to explain why you do something (Cambridge English–Russian Dictionary; Cambridge University Press). Это значение соответствует значению русского слова «отговорка», которое тоже отражает основную семантику оправдания, то есть признание кого-либо невиновным, но при этом искренность меняется на демагогию, правда – на заведомую ложь.

Таким образом, речевой жанр, названием которого служит лексема excuse, не является монолитным образованием; он реализуется в трех основных структурно-семантических разновидностях: констатация невиновности (себя или иного лица), пояснение причин невиновности, отговорка. Эти значения могут выражаться различными языковыми средствами, не ограничиваясь исследуемой лексемой.

Выбор структурно-семантической разновидности речевого жанра «оправдание» зависит от типа текста, в котором функционирует речевой жанр. Роль контекста в реализации тех или иных лексических и грамматических значений слов и языковых явлений не вызывает сомнений: «Контекст сам по себе помогает избавиться от двусмысленности» [12, 17]. В самом деле, содержание и форма выражения мыслей в процессе общения зависят от типа дискурса, в котором проходит общение, по правилам которого строятся высказывания и текстов [15]. В связи с этим, представляется необходимым рассмотреть особенности бытового дискурса, который является источником фактического материала для настоящей статьи.

В принципе речевой жанр «оправдание» функционирует в различных видах дискурса: прежде всего, конечно, юридическом, особенно в текстах речи адвоката или показаний истца, в которых этот речевой жанр является системообразующим; нередок он и

в политическом дискурсе, где постоянно возникает необходимость оправдаться или оправдать кого-то. Ситуации, когда человека обвиняют в чем-то, а следовательно, и оправдывают, возможны, безусловно, в любом типе общения, включая бытовой.

На основе внутренних характеристик ситуаций общения В.И. Карасик разработал детальную классификацию видов дискурса, в рамках которой определено место и бытовому [9]. Коммуникативными особенностями бытового дискурса являются его персональный (не институциональный) характер, динамичность, спонтанность, сокращённая дистанция между коммуникантами, обусловленная тем, что сфера бытового дискурса ограничена бытовым общением между хорошо знакомыми людьми [4]. Названные признаки бытового общения обуславливают структурно-семантические свойства обслуживающего этот вид общения дискурса: широкое использование имплицитности (в самом деле, непосредственность общения позволяет не актуализировать вербально очевидное и понятное), сокращённая социальная дистанция между участниками общения обуславливает возможность использования по преимуществу разговорного функционального стиля, для которого характерны нарушения грамматики, эллиптичность и эмоциональность [6, 8, 9].

Данное мнение поддерживается и иными лингвистами, которые, в частности, отмечают, что в разговорных жанрах нередко используются только начальные лексические элементы – «хорошо», «м-м-м», которые могут быть ответом на входящий разговор либо появляются после несодержательного ответа партнера [14 – 16].

Бытовое взаимодействие отражено в художественных произведениях [19], что даёт возможность использовать их в качестве источников фактического материала в лингвистических исследованиях соответствующей тематики.

Рассмотрим функционирование речевого жанра «оправдание» в бытовом общении, представленном в рассказах Р. Брэдбери.

В рассказе «Пешеход» (The Pedestrian) главный герой гуляет вечером и не встречает ни одного прохожего. Его останавливает и задерживает полиция. Законопослушный

гражданин, опасаясь негативных для себя последствий такой встречи, использует защитную реплику в форме речевого жанра оправдания:

Wait a minute, I haven't done anything!

Говорящий пытается добиться справедливости, констатируя факт своей невиновности и одновременно поясняя причину невиновности: «Я же ничего не сделал».

Отрицание своей и чужой виновности прослеживается также в рассказе «Каникулы» (The Vacation). Во время путешествия молодая семейная пара осознала, что они остались единственными выжившими из всей компании путешественников. Причем накануне поездки они рассуждали о том, как было бы хорошо, если бы все остальные люди исчезли, и они остались бы наедине. Когда это стало явью, жена почувствовала себя виноватой в произошедшем.

"I feel guilty," she said. "Them gone and us here. And I feel happy. Why? I should be unhappy."

"Should you? There's no tragedy. They weren't tortured or blasted or burned. They went easily and they didn't know. And now we owe nothing to no-one. Our only responsibility is being happy. Thirty more years of happiness, wouldn't that be good?"

В ответ на реплику жены о своей виновности в случившемся герой пытается ее оправдать. Он предоставляет целый ряд доводов, почему они не должны беспокоиться: люди не были убиты или замучены, они просто исчезли, ничего не почувствовав, им никто ничего не был должен и т.п. Приводя эти доводы, герой тем самым оправдывает поведение свое и своей жены в сложившейся ситуации.

В приведенных примерах, как видим, имеет место речевой жанр оправдания, который реализуется в его структурно-семантической разновидности «пояснение невиновности, приведение причин для снятия вины с кого-либо». Выбор этой разновидности жанра обусловлен контекстом, в котором он функционирует. В самом деле, в бытовом общении, в силу его неподготовленности, эмоциональности, коротких социальных дистанций между коммуникантами, чаще всего оказывается совершенно недостаточным простое объявление невиновности

человека. Гораздо более важным является подробное пояснение причин и доводов в пользу обвиняемого, воздействие на эмоциональную сферу участников общения, самопредставление как компетентного свидетеля событий. При этом предметом объяснения становятся причины и факторы, которые обусловили оправдываемые действия.

Рассмотрим фрагмент рассказа Р. Брэдбери «Вельд» (Veldt), в котором речевой жанр «оправдание» актуализируется в его разновидности извинения:

I don't want to do anything but look and listen and smell; what else is there to do?

В этом фрагменте представлен разговор отца и взрослого сына, живущих в эпоху высоких технологий. Отец пытается убедить сына, что технологии не обеспечивают человеку полноценной и наполненной жизни. Он приводит в пример себя в молодости, когда, полный жизненных сил, он старался всё делать сам, в том числе заниматься своим любимым делом – рисованием. Старик сетует на то, что сегодняшние «автоматические художники» и прочие новшества не могут принести человеку радости творчества.

Сын отвечает отцу приведённой выше фразой, в которой выражает свой взгляд на жизнь. Для него она заключается в том, чтобы смотреть, слушать и ощущать. «А что же ещё нужно?» – заключает молодой человек, и это не просто риторический вопрос, а оправдание своего взгляда на смысл жизни и одновременно извинение перед отцом за то, что он не может понять и принять взгляды старшего поколения.

Значение извинения не входит в семантику слова *excuse*, зафиксированную в словарях. Это значение рождается «здесь и сейчас», в данном контексте и под его влиянием, в соответствии с авторским замыслом, который воплощается в тексте, а именно, стремления показать сложность взаимоотношения людей, близких по крови, искренне любящих, но не понимающих друг друга в результате того, что они принадлежат к разным поколениям. В самом деле, уверенно высказывая свое мнение относительно современной жизни и современных людях, сын достаточно деликатен, он не хочет обидеть отца, поэтому, высказываясь, одновременно

оправдывается и извиняется за то, что придерживается иных взглядов.

Интересно, что речевой жанр «оправдание» может принимать специфические формы и выражать семантические оттенки, не зарегистрированные у лексемы *excuse* в словарях, и в детской речи. Рассмотрим ситуацию, в которую попал Эдвин в рассказе «Попрыгунчик» (*Jack-In-The-Box*). Будучи обвинённым в совершении в школе неприглядного поступка, он начинает оправдание с фразы «Я об этом ничего не знаю», то есть используя для оправдания структурно-семантическую разновидность жанра «отговорка». Однако поняв, что его раскрыли, что учитель требует от него только правды, мальчик прибегает к максимально эмоциональной защитной реакции:

I climbed the stair I had to, I had to! I'm sorry, I'm sorry. Please, don't tell Mother!

В своем высказывании он использует «детский вариант» речевого жанра оправдания – как извинение за совершенное и просьбу не доводить информацию о его проступке до родителей. Значения извинения или просьбы не входят в семантику лексемы *excuse*; они формируются языковым и социальным контекстом. Особенности языкового контекста заключаются в представлении сюжетной линии рассказа, в описании тех поступков, которые совершил персонаж и которые привели к необходимости оправдания. Важную роль в формировании указанных значений играют и социальные условия общения, участниками которого являются неравные по своему социальному статусу персонажи: ребенок и взрослый, ученик и учитель; в таком контексте извинения и просьбы со стороны более низкого по статусу участника общения вполне логичны.

Эмоциональность и специфические варианты оправдания, однако, не всегда характерны только для детской речи. «Постоялец со второго этажа» из одноименного рассказа Р. Брэдбери (*The Man Upstairs*) встречает маленького Дугласа на лестнице. Мальчик любит играть с цветными стеклышками, но по какой-то причине мужчине это не нравится.

"Young man!" he cried, running up the stairs. "What were you doing?"

"Just looking," said Douglas, numbly.

"That's all, is it?" cried Mr. Koberman.

"Yes, sir".

Внешне всё выглядит просто: человек интересуется, чем занимался мальчик, а мальчик отвечает, что просто смотрел. Но контекст подсказывает нам, что ситуация не так проста, как выглядит на первый взгляд. Настойчивость мужчины, которая проявляется в переспросе («Что ты там делал?» и «Это всё, что ты делал?») делает ситуацию напряженной. Мальчик испуган, он прекрасно знает, что «постоялец со второго этажа» не любит его и его игры, поэтому он осторожен и не использует упомянутого выше «детского» варианта оправдания. Напротив, он очень сдержан и лаконичен. Он не оправдывается прямо, то есть не утверждает, что ни в чём не виноват, но даёт пояснение – «Я просто смотрел», которое в данной ситуации выполняет функцию оправдания, поскольку мальчик понимает, что истинный смысл вопроса «Что ты там делал?» заключается в другом: «Ты опять играл в свои стеклышки?».

Контекст бытового общения обуславливает еще одну структурно-семантическую разновидность речевого жанра оправдания – оправдание перед самим собой. Этот вариант оправдания имеет место, когда осуществлению планов помешали обстоятельства и винить, собственно, некого. Пример такого оправдания встречаем в рассказе «Прикосновение пламени» (*Touched with Fire*). В рассказе идет речь о страховом агенте, который имел опыт неудачного общения с клиенткой. Анализируя потом коммуникативную неудачу, он объясняет её тем, что женщина психически неадекватна, и делает вывод:

There's nothing to be done.

Фразой «Ничего тут не поделаешь» персонаж не только констатирует положение вещей на данный момент, но и оправдывает себя: ведь он всегда считал себя хорошим страховым агентом, способным к ведению переговоров с клиентами, и последний случай буквально выбил его из колеи. Не желая признавать свое поражение или непрофессионализм, он оправдывает свою неудачу не зависящими от него обстоятельствами.

Приведем пример из рассказа Р. Брэдбери «Ветер» (*The Wind*), в котором представлен структурно-семантический вариант речевого

жанра «оправдание», в котором реализуется семантика извинения.

- *I'm not better, what's wrong with you? Your wife listening to us?*

- *Yes.*

- *Oh, I see.*

В приведённом фрагменте разговаривают два друга. Один из них утверждает, что сильный ветер, который нередок в их краях, пытается добраться до него. Чувствуя, что его утверждения неубедительны, что он выглядит смешно, он хочет убедиться, что жена друга их не слышит. Получив, однако, ответ, что жена всё слышит, он тушует и пытается оправдаться: «Я понимаю, что то, что я говорю, звучит глупо». В данной ситуации, когда человек отдаёт себе отчет в том, что его рассказ о преследующей его стихии, мягко говоря, неубедителен, произнесённая им фраза выполняет функцию не только констатировать своё полное понимание ситуации, но и извиниться перед другом за свою неловкость, за то, что, возможно, позорит его в глазах жены.

Итак, изучение функционирования речевого жанра «оправдание» в бытовом общении привело к следующим выводам.

Речевой жанр «оправдание» не является монолитным образованием. В соответствии с семантикой ключевой лексемы жанра *excuse*, он структурируется на семантические разновидности «оправдание», «пояснение», «отговорка». Значение оправдания является инвариантным для всех разновидностей, значения пояснения и отговорки являются вариантами оправдания, выражаемыми в определенных контекстах.

Выбор той или иной разновидности речевого жанра «оправдание» определяется контекстом. В контексте бытового дискурса наиболее часто используется разновидность жанра «оправдание-пояснение». Этому способствует неподготовленность, непосредственность и эмоциональность бытового общения.

Контекст обуславливает также появление значений оправдания, которые не входят в семантику лексемы *excuse*. Такими значениями, как показал фактический материал, являются извинение, просьба, обещание. Названные значения отражают особенности бытового общения, а именно, его эмоциональность и непосредственный контакт между коммуникантами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андреева В.Ю. Вербальные средства выражения коммуникативного саботажа // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2008. – № 5 (19), Т. 1. – С. 81 – 93.
2. Бахтин М.М. Собрание сочинений в семи томах. Сочинения 1940-х – начала 1960-х годов. – М.: Русские словари, 1996. – 732 с.
3. Безуглая Л.Р. Неискренние речевые акты и неискренние речевые жанры // Жанры речи. – 2015. – №1 (11). – С. 30–37.
4. Белова Е.В. Основные составляющие бытового конфликтного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 2-2 (56). – С. 53–57.
5. Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи. – 1997. – №1. – С. 99–111.
6. Карасик В.И., Слышкина Г.Г. О типах дискурса. – Волгоград: Перемена, 2000. – 120 С.
7. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт. – М: Прогресс, 1986. – 169 С.
8. Симонова Е.П. Лингвопрагматические особенности актуализации бытового дискурса в романе Патрика Несса «A monster calls» («Голос монстра») // Евразийское научное объединение. – 2020. – № 5-5 (63). – С. 388–390.
9. Терентий Л.М. Основные подходы к исследованию дискурса в современной лингвистике // Вестник НГЛУ. – 2016. – № 35. – С. 74–80.
10. Bazerman Ch. Speech acts, genres, and activity systems: How texts organize activity and people. – New Jersey; London: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 2004. – 329 p.
11. Christie F. Language Education in the Primary Years. – Australia: UNSW Press, 2005. – 248 p.
12. Figueiredo D. Context, register and genre: Implications for language education. – Federal University of Santa Catarina, 2005. – 141 p.

13. Hasan R. *The structure of a text*. – Oxford: Oxford University Press, 1985. – 126 p.
14. McCarthy M. *Talking Back: «Small» Interactional Response Tokens in Everyday Conversation*// *Research on Language and Social Interaction*. – 2003. – № 36(1). – Pp. 33–63.
15. Deborah S., Deborah T., Heidi E. *The Handbook of Discourse Analysis*. – London: Blackwell Publishing, 2003. – 281 P.
16. Sari L. I., Sari R. H. *What do people do to sustain a conversation: Analysis of the features and the speech function of a casual conversation*// *Indonesia: Indonesian EFL Journal*. – 2003. – № 6(2). – 109–120 pp.
17. Song L. *The Role of Context in Discourse Analysis*// *China: Qingdao University of Science and Technology*. – 2010. – № 1(6). – 876–879 pp.
18. Swales J. M. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 260 p.
19. Tannen D. *Talking Voices. Repetition, Dialogue, and Imagery in Conversational Discourse*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 244 P.
20. Thornbury S., Slade D. *Conversation: from description to pedagogy*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 364 P.

THE SPEECH GENRE "EXCUSE" IN ENGLISH-LANGUAGE EVERYDAY COMMUNICATION (BASED ON R. BRADBURY'S STORIES)

© 2023 Tatyana E. Vodovatova, Aleksey E. Zadokhin

Samara University of Public Administration
International Market Institute, Samara, Russia

This work is aimed at determining the features of the functioning of the speech genre "excuse" in interpersonal everyday communication. From the point of view of the linguistic status, the speech phenomenon of excuse can be interpreted either as a speech act or as a speech genre. The facts of the language usage dispose the speech genre nature of the phenomenon under study. The speech genre of excuse is used in different kinds of English discourse, including its interpersonal everyday kind. The examples in this article are taken from the short stories written by R. Bradbury. The analysis of the definitions of the word excuse, that is the name of the genre studied, allowed to state the heterogeneous character of the genre and identify three structural and semantic variants of it: excuse itself, excuse-explanation, excuse-pretex. The most often used variant proved to be excuse-explanation. The study also showed, that there are also such variants of excuse, that emerge in the text under the influence of the context. They are excuse-apology, excuse-begging, excuse-promise.

Key words: excuse; speech genre; speech act; context; social interaction; interpersonal discourse.